

Михаил Сеславинский

В отблеске таланта

125 лет со дня рождения К.Г. Паустовского. Автографы в моем собрании

Летний отпуск нынешнего года я провел одновременно в двух местах – горах Швейцарии и на улицах Одессы. Если среди читателей этого небольшого очерка будет врач-психиатр, то он, вполне вероятно, от радости захлопает в ладоши, ибо раздвоение личности (диссоциативное расстройство идентичности) – довольно редкое заболевание. Так что прочитать литературные изыскания такого пациента – несомненная врачебная удача. Но поспешу его разочаровать. Ларчик открывается просто: со мной на отдыхе было скромное издание очаровательной повести К.Г. Паустовского «Время больших ожиданий» (М.: «Советский писатель», 1960).

Нет смысла рассказывать одесситам о том, как погружаешься в это эмоциональное повествование о пребывании молодого Константина Паустовского в Одессе в начале 1920-х годов. Чего в нем только нет: живые зарисовки одесских жителей («чтоб мне не дойти туда, куда я иду»), газетно-журнального мира («мы завинтим такую газету, что перед ней померкнут романы Дюма-отца и Буссенара»), бытописание тех трудных лет («во время оно <...> я в рот бы не взяла эту мамалыгу, когда я имела каждый день пшеничный арнаутский хлеб», «дрова мы воровали преимущественно в Аркадии»), портреты Ильи Ильфа (который «еще не был писателем, а ходил по Одессе в потертой робе, со стремянкой и чинил электричество») и Исаака Бабеля («мы все жили в легком отблеске его таланта»). При чтении повести возникает давно забытое детское ощущение от увлекательной книги, когда нестерпимо хочется, чтобы она подольше не заканчивалась.

Выбор «Времени больших ожиданий» в качестве одного из произведений для летнего чтения был вполне очевиден. Ведь

только-только закончилась череда мероприятий, связанных со 125-летием со дня рождения Константина Георгиевича Паустовского. И мы уже жили в отблеске таланта и этого замечательного писателя.

Мы вспоминали Константина Георгиевича не только как классика советской литературы. Его гражданская позиция – редкий пример благородного и порядочного поведения. Достаточно вспомнить полуторамесячное пребывание на Южном фронте в 1941 году в качестве военного корреспондента, подписание в 1966 году знаменитого письма двадцати пяти

деятелей науки и культуры генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу против реабилитации Сталина, поддержку А.И. Солженицына, А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля.

А чего стоит телефонный разговор с председателем Совета Министров А.Н. Косыгиным в самом конце жизни:

*– С вами говорит умирающий Паустовский. Я умоляю вас не губить культурные ценности нашей страны. Если вы снимете Любимова, распадётся театр, погибнет большое дело.**

Как и многие другие писатели и поэты, Паустовский принадлежит России и Украине одновременно, что, как мне кажется, в наше время особо ценно. Он не только носил образ Украины в своем сердце, но и не уставал повторять о ее влиянии на свое творчество:

* Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: в 2 т. / [Подгот. текста, коммент. и подбор ил. Е.Ц. Чуковской; вступ. ст. В.А. Каверина]. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 2: 1930-1969, с. 528.

– Мы не часто задумываемся над тем, как та или другая страна, где мы провели хоть часть своей жизни, особенно молодость, отражается на нашем сознании, на самом строе наших мыслей и чувств. В книгах почти каждого писателя просвечивается, как сквозь легкую солнечную дымку, образ родного края с его бескрайним небом и тишиной полей, с его задумчивыми лесами и языком народа. Мне, в общем-то, повезло. Я вырос на Украине. Ее лиризму я обязан многими сторонами своей прозы...**

Но такие же пронзительные цитаты мы найдем и про русскую природу. И как тут не вспомнить его любовь к Тарусе-городку, который он наполнил новым звучанием и содержанием, в том числе инициировав выход знаменитого сборника «Тарусские страницы», столь любимого книголюбями и библиофилами. Приведу лишь две цитаты, которые мне особо близки и любимы.

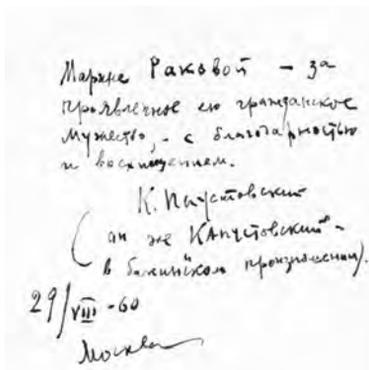
– Поверьте мне, – я много видел просторов под любыми широтами, но такой богатой дали, как на Ильинском омуте, больше не видел и никогда, должно быть, не увижу.

Это место по своей прелести и сиянию простых полевых цветов вызывает в душе состояние глубочайшего мира и вместе с тем странное желание: если уж суждено умереть, то только здесь, на слабом этом солнечном припеке, среди этой высокой травы***.

** Паустовский К.Г. Образ Украины я носил в своем сердце... // Мир Паустовского. – 2006, № 24, с. 2.

*** Паустовский К.Г. Ильинский омут / [Послесл. Г.П. Трефиловой; ил. А.К. Яцкевича]. – М.: Сов. Россия, 1984, с. 345.

Марине Раковой - за
проявленное ею гражданское
мужество, - с благодарностью
и восхищением.
К. Паустовский
(он же «Капустовский» -
в бакинском произношении).
29/VIII - 60
Москва

Автограф К. Паустовского

- Вся нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки или за извилистую речонку Таруску - на ее скромных берегах я теперь часто и подолгу живу*.

Но вернемся к повести «Время больших ожиданий». Взятый мной на отдых экземпляр был не таким уж простым.

На переднем форзаце синими чернилами выведен любопытный содержательный автограф:

«Марине Раковой - за проявленное ею гражданское мужество, - с благодарностью и восхищением. К. Паустовский (он же «Капустовский» - в бакинском произношении). 29/ VIII - 60 Москва».

Адресат - Марина Адольфовна Ракова (1921-2010) - известная артистка эстрады, мастер художественного слова, проработавшая около 30 лет в филармоническом отделе Ленконцерта. М.А. Ракова была яркой, талантливой и весьма востребованной артисткой, не только активно работавшей на сценических площадках Ленинграда, но и много ездившей по стране. Ее хорошо знали по двум пластинкам фирмы «Мелодия» и многочисленным выступлениям по радио и на «голубом экране». В репертуаре Марины Раковой были две литературные программы по прозе Паустовского - «Вечер рассказа» и «Золотая роза».

Об обстоятельствах знакомства, общения и появления данного инскрипта Марина Адольфовна обстоятельно рассказала в очерке «Цветок на краю окопа», опубликованном в книге ее воспоминаний «Иглы памяти».

Дадим ей слово:

* Паустовский К.Г. Муза дальних странствий / [Вступ. ст. А.И. Павловского; примеч. Л.А. Левицкого]. - М.: Сов. Россия, 1988, с. 33.

М.А. Ракова около Большого зала Бакинской филармонии

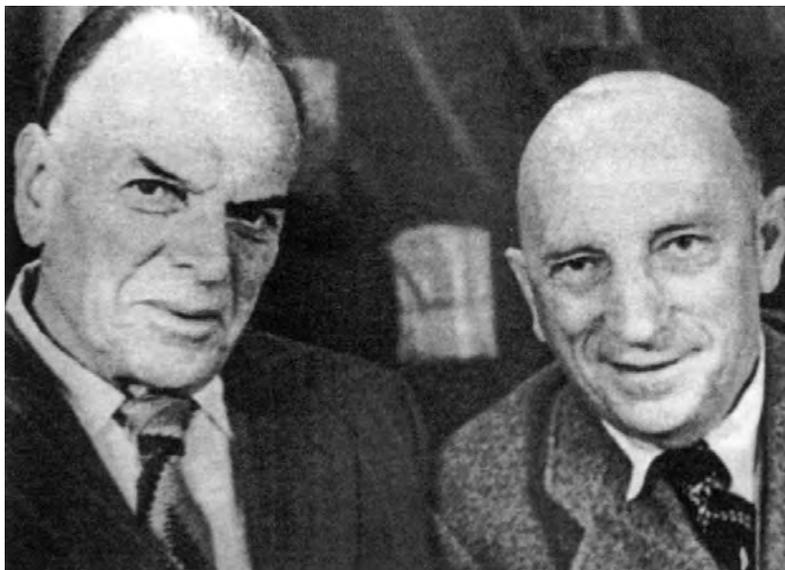
«Тогда я только что вернулась из Баку, куда привезла программу по рассказам Паустовского. Концерт предстоял в Большом зале Бакинской филармонии. В гостиницу за мной прислали администратора – ему приписывалось отвезти меня на концерт. Когда мы с ним спустились в вестибюль, машина уже ждала у подъезда. Администратор попросил меня подождать и куда-то ушел. Через некоторое время он вернулся, кого-то поискал в холле и снова исчез. Время шло. Я начала нервничать, что могу опоздать, но сопровождающий не возвращался. Я вышла к машине и спросила, где же может быть мой провожатый. Водитель пожал плечами и загадочно ответил.

– Ищет.

Прошло еще какое-то драгоценное время, и, когда я совсем отчаялась, администратор, наконец, появился. Я бросилась к нему:

– Мы опаздываем!.. Что случилось? Кого мы ждем?!

– Не надо волноваться, мадам. Мы ждем Капустовского. Он выйдет – и мы поедем.

К.Г. Паустовский и С.М. Алянский

– Кого?!

– Капустовского. Вас же в афише двое...

*Я не знала, смеяться или плакать. Мы помчались на концерт. Все билеты, даже входные, были проданы. Это меня утешило».**

Рассказ этот прозвучал на дружеской встрече в квартире М.А. Раковой, на которой также присутствовал Самуил Миронович Алянский – родной дядя ее мужа и большой друг писателя. А сама книга с теплым автографом была прислана Паустовским уже из Москвы.

Любители автографов знают, что в библиофильской жизни редко случается такая удача, когда вместо стандартного «Уважаемому Ивану Ивановичу от автора» подвернется книга с дарственной надписью, вокруг которой разворачивается столь интересная и веселая история.

* Ракова М.А. Иглы памяти. – СПб.: Лики России, 2006, с. 113.

Также нам хорошо известно, что в большой библиотеке автографы и книги часто ведут своеобразную перекличку друг с другом, когда одно имя цепляет другое и образует гирлянду событий и взаимоотношений.

Так случилось и на этот раз. Рассказ М.А. Раковой с упоминанием имени С.М. Алянско-го самым чудесным образом ведет нас к еще двум предметам из моего собрания.

Один из них – фотопортрет К.Г. Паустовского, сделанный, по всей видимости, в Тарусе в 1950-е годы.

На лицевой стороне фотографии автограф: *«Взыскательному и верному / другу – Самуилу Мироновичу / Алянскому с глубокой любовью / К. Паустовский / 29/VII-[19]59 г. / Москва».*

Напомню, что Самуил Миронович Алянский (1891-1974) – создатель и глава легендарного петроградского издательства «Алконост» (1918-1923). После закрытия «Алконоста» Алянский, окончивший искусствоведческий факультет Института истории искусств, работал в издательстве Наркомпроса, затем заведовал книжными магазинами издательств «Книга» и «Международная книга». Возглавлял «Издательство писателей в Ленинграде» (1929), заведовал производственным отделом в Ленинградском отделении издательства «Молодая гвардия» (1932). В годы войны был в эвакуации в Ташкенте, но К.И. Чуковский организовал его вызов в Москву. С 1943 года – член редколлегии и художественный редактор журнала «Мурзилка» и издательства «Детгиз», где до конца жизни был консультантом по оформлению детской книги.

К.И. Чуковский писал В.М. Конашевичу в 1950 году: *«Кстати, я в Детгизе заговорил об Алянском. Сказал: «Мы все его любим, а собственно*

за что?» И вдруг накинутся на меня Эмден* и другие. «Как за что?! Это рыцарь. Это гордый человек! Это – принципиальнейший человек! Это – культурнейший человек! Это скромнейший человек! Это...»

– Это уютнейший человек! – прибавил я. Но моей прибавки не приняли, а посмотрели на меня с такой укоризной, что мне стало совестно, почему я не Алянский**.

Последние годы жизни Паустовского были тесно связаны с С.М. Алянским. Завязались не только деловые отношения, но и настоящая многолетняя дружба двух творческих людей. В 1958 году Паустовский писал Алянскому из Тарусы: «Вы сделали мне царский подарок, – автограф Блока, да еще на книге, которая его, очевидно, очень интересовала. <...> Дня через два-три я окончу четвертую автобиографическую книгу... – 1921-22 годы в Одессе. <...> Увидимся, когда Вы вернетесь из Дубултов, я в это время еще буду здесь, и Вы приедете, так как с меня врачи сняли запрет общения (они проводили его очень строго). Я очень хочу видеть Вас, поговорить за жизнь и за все прочее, включая литературу»***.

А относительно недавно мою коллекцию пополнил еще один замечательный документ, связанный с именами А.А. Блока, С.М. Алянского и К.Г. Паустовского. Ранее он был описан лишь художником Л.А. Токмаковым, видевшим его у Паустовских****.

Это самодельное удостоверение, выданное С.М. Алянскому А.А. Блоком с его карандашной печатью, меняет наше представление о поэте, которого мы даже не представляли веселым человеком, склонным к розыгрышам и шуткам.

Лучше меня об этом документе расскажет сам Самуил Миронович: «Это было летом 1919 года. Как-то я засиделся на *Офицерской* у Блока до того часа, когда хождение по улицам без специального пропуска уже запрещалось. «А Вас не задержат?» – спросил Алек-

* Эсфирь Михайловна Эмден (1906-1961) – писательница, редактор отдела дошкольной литературы издательства «Детская литература».

** Цит. по: Ефимов Е. «Вы всегда были истинным праздником»: (О дружбе К.И. Чуковского и С.М. Алянского.) // Наше Наследие. – 2010, № 96, с. 71.

*** Паустовский К.Г. Собрание сочинений в 9 т. – М.: Худож. лит.-ра, 1981-1986. – Т. 9: Письма, 1915-1968. – 1986, с. 342.

**** Токмаков Л.А. Как я стал художником книги [Электронный ресурс] // Booksplim.ru: блог о детской литературе. – М., 2015-2017. – URL: <http://booksplim.ru/statya/lev-tokmakov-kak-ya-stal-hudozhnikom-knigi.html> (дата обращения: 18.08.2017).

сандр Александрович, прощаясь. И вдруг он улыбнулся чему-то, попросил меня минуточку подождать. Подошел к столу и быстро написал вот это удостоверение. Передал его мне и серьезно сказал: «С этим Вас пропустят». На следующий день, когда я рассказал Блоку, что у самого моего дома меня все же задержали, что патруль

М.А. Ракова, К.Г. Паустовский и С.М. Алянский

после внимательного изучения моего удостоверения отпустил меня, Александр Александрович долго смеялся продолжению его шутки». ****

К оборотной стороне удостоверения прилагается записка со следующим текстом: «Дорогой Константин Георгиевич, Александр Александрович Блок был очень веселый человек. И я сегодня рад подарить тебе эту шутку, написанную рукой поэта, тоже веселому и бесконечно любимому мною человеку и поэту. 31 мая 1962 года. Самуил Алянский».

Текст же самого удостоверения следующий:

«С.Р.Ф.С.Р. / Болит / от / дел / № 8910111213000т (dlkm) / Удостоверение / Сим удостоверяется што / Самуил Миронович дей- / ствительно. / Председатель Ал. Блок».

Этот уникам – драгоценный подарок от уже упоминавшейся Галины Алексеевны Арбузовой. Вместе с ним ко мне попало еще несколько книжек из домашней библиотеки писателя (преимущественно – почитанные и несколько усталые сборнички Серебряного века и первых лет советской власти). Для них я заказал специальный штемпельный экслибрис, чтобы они не затерялись среди других книжек и могли в дальнейшем путешествовать по книжным собраниям именно в таком качестве.

Юбилейный год Константина Георгиевича Паустовского подходит к концу, но проза писателя и его автографы, периодически всплывающие на антикварно-букинистическом рынке, надеюсь, будут сопровождать нас на протяжении всей жизни.

**** Цит. по: Хроника заседаний клуба «Библиофильский улей» / Сост. Л.Г. Ларионова // Про книги. Журнал библиофила. – 2016, № 3 (39), с. 105-106.